

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

НОВЫЕ КНИГИ

Опубликовано:

Христианское чтение. 1907. № 1. С. 127-139.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. Марръ. Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и ала-новъ святымъ Григоріемъ (арабская версія). (Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, т. XVI, вып. II—III. Спб. 1905, стр. 65—211).

Проф. Н. Я. Марру, извѣстному ориенталисту, посчастливилось найти на Синаѣ арабскій текстъ „Мученичества св. Григорія и св. Рипсимы съ ея сподвижницами“, проливающей новый свѣтъ на миссіонерскую дѣятельность Григорія Провѣтителя, до сихъ поръ считавшагося просвѣтителемъ однихъ армянъ. Однако, дефектный въ началѣ, этотъ памятникъ даетъ нѣчто новое для біографіи святителя и для исторіи совершеннаго имъ дѣла только съ помощью огромной эрудиціи своего издателя, его широкаго знакомства съ другими агіографическими документами и серьезной филологической подготовки.

Для того, чтобы понять, какъ доселѣ стоялъ въ русской наукѣ вопросъ о крещеніи армянъ Григоріемъ, обратимся къ новѣйшей „Исторіи армянской церкви“ Александра Аннинскаго (Кишиневъ, 1900), рассказы котораго (стр. 7—14) воспроизводитъ еще болѣе новая біографія святителя въ Православной богословской энциклопедіи (т. IV, 1903 г., 643—649).

Григорій, сынъ персидскаго вельможи Анана, убившаго армянскаго царя Хозроя II (287), счастливо спасенный отъ постигшей отда и его семью казни, провелъ дѣтство на

родинѣ няни—христіанки—въ Кесаріи Каппадокійской. Выросши въ христіанскихъ убѣжденіяхъ, онъ пожелалъ заглядить грѣхъ своего отца и, оставивъ жену и двоихъ дѣтей, отправился въ Римъ, гдѣ находился сынъ Хозроя Тиридатъ, въ 297 провозглашенный царемъ имп. Діоклетіаномъ. Во время войны Тиридата съ персами за отцовскій престолъ, Григорій оказалъ ему много важныхъ услугъ и сдѣлался однимъ изъ его приближенныхъ. Но вотъ въ 303 г. въ Римской имперіи начались гоненія на христіанъ, отразившіяся и въ Арменіи. Тутъ обнаружилось, что Григорій—христіанинъ и сынъ убійцы Хозроя. Тиридатъ сначала убѣждалъ его отречься отъ вѣры, затѣмъ велѣлъ пытаться и, наконецъ, приказалъ бросить на всю жизнь въ глубокой колодезь.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Около 316 года нѣсколько знатныхъ римлянъ, въ томъ числѣ дѣвица Рипсимія съ воспитательницей своей Гайяніей, избѣгая преслѣдованія со стороны развратныхъ римскихъ правителей, бѣжали въ Великую Арменію и укрылись въ пустыхъ виноградникахъ вблизи г. Вагаршапата. Случайно ли открытыя здѣсь или отысканныя преслѣдователями, онѣ стали извѣстны народу, который сложилъ объ иностранкахъ цѣлую исторію, а о Рипсиміи, самой красивой, рассказывалъ, что она—невѣста римскаго императора, отвергшая его предложеніе сдѣлаться женой и бѣжавшая въ Арменію. Заинтересовался ею и Тиридатъ, приказавшій привести ея во дворецъ. Пораженный ея красотой, онъ возгорѣлся страстью и хотѣлъ употребить насиліе, но въ происшедшей между ними борьбѣ былъ побѣжденъ дѣвой. Пылая мстью, онъ велѣлъ предать Рипсимію и всѣхъ ея подруговъ (36 чел.) смерти. Но послѣ того почувствовалъ угрызенія совѣсти и однажды на охотѣ сошелъ съ ума: вообразивъ себя свиньей, онъ сталъ хрюкать, рыть лицомъ землю и щипать траву. Тогда семейные царя и придворные вспомнили другого невинно пострадавшаго христіанина Григорія, котораго, извлекли изъ его земляной тюрьмы, умолили возвратить царю разумъ. Григорій похоронилъ съ честью тѣла св. мученицъ и обратился съ проповѣдью христіанства къ исцѣленному имъ Тиридату и къ вельможамъ. Проповѣдь имѣла успѣхъ. Народъ видѣлъ, что всѣ уже принимаютъ христіанство, что ихъ единоплеменники въ Верхней Месопотаміи уже болѣе двухъ вѣковъ были христіанами и что за ними пошли живущіе въ Киликіи,

Каппадокіи, Малой Арменіи, Понтѣ. Первымъ плодомъ проповѣди Григорія было устройство царемъ и армянами часовни надъ могилами мученицъ. Вслѣдъ за тѣмъ началось разрушеніе языческихъ храмовъ. Самъ царь въ сопровожденіи сильнаго отряда войска ходилъ по городамъ съ Григоріемъ и ниспровергалъ капища. Народъ въ виду этого не противился или даже помогалъ уничтожать твердыни идолопоклонства. Но по мѣстамъ жрецы такъ упорно отстаивали свое достоиніе и боговъ, что храмы приходилось брать приступомъ, какъ крѣпости. Отобранныя имущества или раздавались бѣднымъ и нищимъ или переходили въ казну для утвержденія новой вѣры. Мѣста разрушенныхъ капищъ Григорій отводилъ подъ церкви, окружая ихъ стѣнами и ставя кресты; кресты онъ водружалъ повсюду: на площадяхъ, на перекресткахъ, въ началѣ улицъ.

Наконецъ, въ 317—318 г. Тиридатъ, созвавъ начальниковъ и предводителей армянскаго народа, съ общаго ихъ согласія рѣшилъ обратить Арменію въ христіанство и признать Григорія духовнымъ руководителемъ и учителемъ вѣры. Составлена была пышная депутація и отправлена съ Григоріемъ къ кесаріе-каппадокійскому архіепископу Леонтію для поставленія Григорія во епископы. Леонтій исполнилъ письменную просьбу Тиридата, созвалъ соборъ мѣстныхъ епископовъ, рукоположилъ Григорія и, отпуская, снабдилъ его святынями.

Возвратившись въ Арменію, Григорій первымъ дѣломъ разрушилъ послѣ упорнаго сопротивленія два храма въ округѣ Таронѣ, въ которыхъ приносились жертвы индійскимъ идоламъ. Этого требовали огромныя богатства храмовъ и большой авторитетъ коллегіи жрецовъ, находившихся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ царю. На мѣстѣ храмовъ была заложена церковь во имя Іоанна Крестителя, которую Фавстъ Византійскій называетъ матерью армянскихъ церквей. Здѣсь же были крещены армянскіе князья, сопровождавшіе Григорія въ Кесарію, и многіе изъ мѣстныхъ жителей. Самъ царь съ семействомъ и множествомъ народа былъ крещенъ въ р. Евфратѣ у подошвы г. Небатъ, въ Араратской области.

Послѣ того св. Григорій, путешествуя по странѣ, въ живой и одушевленной бесѣдѣ проповѣдывалъ слово Божіе, крестилъ желавшихъ принять христіанство и строилъ церкви. У армянъ тогда не было письменности и приходилось совер-

шать богослуженія и читать Свящ. Писаніе на греческомъ или сирійскомъ языкѣ. Въ виду этого, не легко было св. Григорію найти сотрудниковъ, которые владѣли бы однимъ изъ этихъ иностранныхъ языковъ и живымъ армянскимъ для устной проповѣди. Въ его распоряженіи было нѣсколько монаховъ, взятыхъ имъ изъ Севастіи, и нѣсколько бывшихъ языческихъ жрецовъ, которые искренно прониклись христіанствомъ и могли послужить его распространенію своимъ прежнимъ вліяніемъ на народъ и своимъ образованіемъ: они были рукоположены въ священныя степени, нѣкоторые даже въ епископскую. Для обезпеченія полноты клира въ будущемъ св. Григорій воспитывалъ при себѣ нѣсколькихъ мальчиковъ, а затѣмъ завелъ школы, гдѣ молодые армяне изучали греческій и сирійскій языкъ и Свящ. Писаніе. Наконецъ, въ тѣхъ же просвѣтительныхъ цѣляхъ Григорій, по совѣту архіеп. Леонтія, устроилъ въ Арменіи нѣсколько монастырей, въ томъ числѣ одинъ въ Таронской области при храмѣ Іоанна Предтечи (Глакскій) и содѣйствовалъ развитію монашеской жизни. Нерѣдко самъ онъ оставилъ на время каяедру и уходилъ съ нѣкоторыми изъ учениковъ въ горы и тамъ жилъ уединенною жизнью въ гротахъ и пещерахъ. Все это имѣло глубокое вліяніе на армянское населеніе, укрѣпляя христіанъ въ истинахъ вѣры и нравственной жизни, а язычниковъ располагая къ принятію христіанства. Къ укрѣпленію христіанства въ Арменіи послужило также свиданіе Григорія и Тиридата гдѣ-то на востокѣ (въ Никомидіи), ок. 325 г., съ имп. Константиномъ, отнесшимся съ большимъ почтеніемъ къ ихъ личности и съ сочувствіемъ къ ихъ просвѣтительнымъ трудамъ.

Благодаря дѣятельности св. Григорія и его сподвижниковъ и могущественной поддержкѣ Тиридата, почти вся Арменія въ короткое время просвѣтилась ученіемъ Христовымъ и церковь армянская получила полное устройство. Св. Григорій учредилъ архіерейскія каяедры во всѣхъ болѣе важныхъ провинціяхъ, поставилъ епископовъ и хореепископовъ ¹⁾ и организовалъ церковное управленіе. При устройствѣ ар-

¹⁾ По армянскимъ источникамъ, число ихъ колеблется между 300 и 400 и послѣдняя цифра не представляется чрезмѣрной, если принять въ соображеніе страшную раздробленность армянскаго царства, которое въ началѣ IV в. состояло изъ 600 отдѣльныхъ округовъ (*А. Аннискій. Древніе армянскіе историки, какъ истор. источники, Одесса, 1899, стр. 104*).

мянской церкви онъ во всемъ слѣдовалъ указаніямъ ея матери—кессаріе-каппадокійской церкви, отъ которой та зависѣла іерархически. Отъ Леонтія св. Григорій получилъ и постановленія I вселенскаго собора, на которомъ не было представителя отъ Арменіи.

Съ 334 г. св. Георгій совершенно отказался отъ управленія армянской церковью и, представивъ завѣдываніе ею еп. Аристакусу, своему сыну, удалился на гору Себухъ, въ пещеру Мане, гдѣ и умеръ въ полной безъизвѣстности...

Изложенная „исторія“ обращенія армянъ св. Григоріемъ имѣетъ своимъ источникомъ рассказъ такъ называемаго Агаангела ¹⁾, о которомъ долго существовало мнѣніе, какъ о писателѣ IV в., секретарѣ ц. Тиридата, писавшаго о томъ, что видѣлъ собственными глазами ²⁾. Но этотъ рассказъ даже въ критической отдѣлкѣ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя несообразности. Тѣмъ больше ихъ въ источникѣ, который и является потому предметомъ спора между учеными, какъ со стороны своего автора, такъ и содержанія и своихъ первоисточниковъ и во всякомъ случаѣ даетъ основаніе утверждать легендарный характеръ житія Григорія Просвѣтителя. На этой почвѣ стоитъ и г. Марръ. Не то, чтобы онъ говорилъ о легендарности самого св. Григорія. „Напротивъ, Григорій Просвѣтитель, по всей видимости, дѣйствительно былъ живою историческою личностью, легендаренъ лишь тотъ образъ, въ какомъ онъ представленъ намъ въ дошедшихъ до насъ исторіяхъ обращенія Арменіи св. Григоріемъ“ (Н. Марръ 152, 153). Дѣло въ томъ, что историческія данныя позволяютъ говорить о миссіонерской дѣятельности св. Григорія только въ западной части Арменіи, а не во всей странѣ, которая была просвѣщена скорѣе изъ Сиріи, чѣмъ изъ Каппадокіи. Просвѣтителемъ же всей Арменіи, при томъ на греческой основѣ, Григорія сдѣлала потомъ литературная тра-

¹⁾ Агаангелову, „Исторію царствованія Тиридата и проповѣди св. Григорія Просвѣтителя“ можно читать въ *Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie par V. Laaglois*, I (Paris, 1867).

²⁾ Г. Аннинскій относитъ жизнь автора „Исторіи“ Агаангела къ концу IV—нач. V в. (Древніе армянскіе историки, 25, 26, 29, 71—72). Авторъ монографіи объ Агаангелѣ Дамяцѣ (Въва 1894) относитъ къ V столѣтію появленіе „Исторіи“ въ сохранившейся до насъ греческой редакціи его (Н. Марръ. О начальной исторіи Арменіи Анонима. Византійскій Временникъ, I, 290, прим.).

диція. Для проф. Марра ясно, что когда, въ періодъ сліянія армянскихъ племень въ національно-политическую единицу, составлялась исторія крещенія всей идеализованно единой Арменіи, то первоначальное преданіе о миссіонерской дѣятельности Григорія въ извѣстной области взяло перевѣсъ надъ аналогичными преданіями другихъ мѣстностей и такимъ образомъ значеніе его героя поднялось и расширилось до степени общеармянскаго апостола, какъ это было въ Грузіи съ св. Ниной. Но „если въ Арменіи затмила славу другихъ просвѣтителей личность св. Григорія, а въ Грузіи—св. Нины, то мы не должны еще торопиться и заключеніемъ о соотвѣтственно широкомъ реально-историческомъ значеніи ихъ проповѣди. Причины ихъ популярности могутъ быть въ значительной степени литературнаго характера. Она можетъ быть и, сдается мнѣ, дѣйствительно была дѣтищемъ какого-то сильнаго литературнаго течения. Такое теченіе, надо думать, по какому либо сродству, и въ этомъ смыслѣ не безъ историческаго основанія, облюбовывало извѣстное областное преданіе и давало ему такую авторитетную и популярную обработку, что всѣ дальнѣйшія поколѣнія должны были считаться съ нимъ. Преданіе, получившее литературнымъ путемъ широкое распространеніе и всеармянское или всегрузинское значеніе, съ этого момента фактически получало господство, и оно навязывалось, какъ готовый сюжетъ для изложенія начала армянской или грузинской церкви, каждому мѣстному церковно-литературному направленію сообразно съ его интересами“ (149).

Проф. Марръ указываетъ слѣдующія „основныя отложенія въ литературѣ“ „отъ развитія культа св. Григорія у армянъ“, помимо первоначальнаго устнаго или письменнаго сказанія объ областномъ, западно-армянскомъ проповѣдникѣ-мученикѣ:

„1) Книга о св. Григоріи, называвшаяся различно, такъ, пожалуй, и *Агаангеліе*, произведеніе, дѣйствительно, Месропа или приписываемая Месропу, изъ Тарона, грекофильская католическая редакція VI-го вѣка. Она не дошла до насъ. Вѣроятно, она была переведена на греческій языкъ.

„2) Халкедонитская редакція VII—VIII в., возникшая въ области Таи и сохранившаяся дефектно въ издаваемомъ теперь арабскомъ переводѣ съ греческаго. Она переводилась, вѣроятно, и на грузинскій языкъ.

„3) Исторія Агаангела, національная редакція VIII в. Съ нея вскорѣ былъ сдѣланъ переводъ на греческій языкъ, издаанный въ послѣдній разъ de Lagarde'омъ. Она только и сохранилась на армянскомъ языкѣ, но съ нѣкоторыми позднѣйшими поправками и дополненіями“ (182).

Этой табличкой опредѣляется мѣсто и генеалогія издаваемого г. Марромъ текста и ею вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждается основная мысль его о легендарности исторіи о миссіонерской дѣятельности св. Григорія, именно ихъ позднимъ появленіемъ въ общецерковной литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, „обращеніе такой политически важной, близко лежавшей къ сердцу византійцевъ страны, пограничной съ ихъ имперіею, какъ Арменія, при томъ при посредствѣ миссіонера греческой же церкви, такое крупное явленіе, что молчаніе о событіи заинтересованныхъ въ дѣлѣ грековъ можетъ быть истолковано лишь неизвѣстностью имъ ни самаго факта, никакого либо греческаго преданія о немъ. Апокрифное слово о Григоріи, приписываемое Іоанну Златоусту, дѣлу помочь не можетъ. Болѣе любопытно то, что на армянскій языкъ это слово было приведено только въ 1141-мъ году Авраамомъ Грамматикомъ“ (153). Не менѣе знаменательно, что объ обращеніи Арменіи Григоріемъ и именно изъ Кесаріи не говорятъ ни св. Василій великій, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской, ни Григорій Богословъ, которыхъ нѣкоторые считаютъ армянами ¹⁾ и которые могли и знать объ этомъ событіи — по близости Каппадокіи къ Арменіи—и имѣли поводъ разсказать о немъ. По разсказу армянскаго историка Фауста Византійскаго, при Василии великомъ прекратился обычай ходить въ Кесарію за посвященіемъ въ армянскіе патріархи, слѣдствіемъ чего былъ созывъ въ Кесаріи собора, на которомъ было постановлено, чтобы отселѣ армянскій архіепископъ не поставлялъ епископовъ, но чтобы всѣ армянскіе епископы посвящались въ Кесаріи (?) ²⁾.— Изъ писемъ же св. Василія знаемъ, что онъ въ 372 г., по порученію императора, ѣздилъ въ армянскій городъ Саталы

¹⁾ М. Ковальницкій признаетъ св. Василія армяниномъ, Григорія богослова—армяно-каппадокійцемъ (О значеніи національнаго элемента въ историческомъ развитіи христіанства. Труды Кіевской дух. академіи, 1880, III, 426).

²⁾ *Faustus de Byzance* (въ Collection des historiens de l'Arménie par V. Langlois, I) V, 29.

для поставленія епископа, примиренія армянскихъ епископовъ и увѣщанія къ соблюденію законовъ и увеличенію заботы о церквахъ Господнихъ. Въ Саталу онъ поставилъ своего родственника Пименія. Съ епископами Арменіи Василій в. находился въ частыхъ письменныхъ сношеніяхъ ¹⁾).

„Популярностью Григорій Просвѣтитель въ греческой литературѣ начинаетъ пользоваться съ п. Фотія (858—867, 878—886), такъ много старавшагося объ единеніи армянской церкви съ греческою. Наличный греческій текстъ исторіи обращенія Арменіи св. Григоріемъ (Paul de Lagarde, 1887, стр. 4—87) переведенъ съ *Исторіи* Агаангела, и этотъ переводъ, по всей вѣроятности, появился во время Фотія, но никакъ не ранѣе. Извѣстность же исторіи Григорія Просвѣтителя въ греческой литературѣ не прослѣживается глубже VII-го вѣка“. До VIII в. не были освѣдомлены о Григоріи Просвѣтителѣ и сирійцы. Въ сирійскую литературу свѣдѣнія о немъ впервые внесъ лишь Георгій, епископъ арабовъ, въ письмѣ 714 г. къ Иисусу Столпнику, причемъ изложеніе даетъ видѣть, что Георгій говоритъ о предметѣ, ранѣе неслыханномъ въ сирійскомъ церковномъ мірѣ. Памятники, свидѣтельствующіе о культѣ Григорія у грузинъ, тоже не древни—VIII—IX вв. и во всякомъ случаѣ не древнѣе VII ст. Да и у самихъ армянъ трудно доказать широкую повсемѣстную популярность св. Григорія до VII в. Лишь въ вѣкъ католиковъ-халкедонитовъ Езреа и Нерсеса III видимъ явные слѣды обновленія и замѣтнаго роста культа св. Григорія: въ это время построены были великолѣпнѣйшіи храмъ въ честь св. Григорія (153—155).

Еще выразительнѣе говоритъ о легендарности исторій сопоставленіе ихъ данныхъ „съ живыми свидѣтельствами самихъ фактовъ древне-армянской церковности и древне-армянскаго литературнаго языка“. Въ то время, какъ всѣ редакціи исторіи Григорія Просвѣтителя исключительное вниманіе посвящаютъ грекамъ и все дѣло христіанскаго про-

¹⁾ Письма №№ 95, 98, 99, 115, 116, 117, 187, 219, 220—въ VI и VII томахъ Твореній св. Василія въ русскомъ переводѣ (изд. Моск. дух. акад.). Св. Григорій богословъ въ надгробномъ словѣ Василія вел. говоритъ о аеивскихъ студентахъ армянахъ, знакомыхъ и дружныхъ съ нимъ еще по товариществу отцовъ и дѣдовъ, учившихся въ одномъ училищѣ (Творенія, ч. IV (М. 1844), 71).

свѣщенія Арменіи изображаютъ какъ успѣхъ миссіонерской дѣятельности греческой кесарійской церкви.—факты „воочію свидѣтельствуютъ, что фундаментъ мѣстной армянской церкви положенъ сирійцами или подъ вліяніемъ сирійцевъ“ (155, 156).

Въ основѣ легенды о св. Григоріи, какъ всеармянскомъ просвѣтителѣ, лежитъ преданіе о дѣяніяхъ его, какъ мѣстнаго мученика-миссіонера греческой калпадокійской церкви въ западной Арменіи, въ сферѣ ближайшаго вліянія римской имперіи: всѣ редакціи сохранили тяготѣніе Григорія Просвѣтителя, даже всего его рода, къ этой окраинѣ Арменіи... Не выясненнымъ является вопросъ, была ли эта первичная форма легенды закрѣплена въ письменности или вращалась только въ устахъ. Но затѣмъ, спустя нѣкоторое время, гдѣ-то въ V вѣкѣ, это преданіе переработано было такъ, что изъ мѣстнаго проповѣдника созданъ типъ обще-армянскаго просвѣтителя на греческой основѣ, съ тенденціознымъ игнорированіемъ сирійской церковности. Проф. Марръ справедливо говоритъ, что такое отношеніе къ истиннымъ основателямъ родной армянской церкви могъ проявить не армянинъ, а или грекъ или грекофилъ, сторонникъ греческой церковности. Болѣе того, тутъ необходимо допустить даже цѣлое греческое церковное теченіе, ибо созданный имъ типъ всеармянскаго просвѣтителя повліялъ даже на писателей національнаго армянскаго направленія, каковъ анонимный Агаоангелъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ г. Марръ предполагаетъ, что первая расширенная редакція дѣяній св. Григорія Просвѣтителя принадлежитъ писателямъ—эллинофиламъ изъ кружка монаха Месропа (V в.), которому приписывается изобрѣтеніе армянскаго алфавита или точнѣе усовершенствованіе древняго армянскаго письма сирійскаго происхожденія по греческимъ нормамъ и первый переводъ свящ. Писанія, собственно исправленіе древняго его армянскаго перевода съ сирійскаго по греческимъ подлинникамъ (157).

Но этой то первичной переработки легенды въ повѣствованіе о широкой дѣятельности св. Григорія, переработки извѣстной по ссылкамъ на „Книгу св. Григорія“ или „Исторію св. Григорія“,—до насъ не дошло, какъ не дошло и греческаго ея перевода. Сохранившаяся въ „Исторіи Агаоангела“ древнѣйшая редакція ея моложе ея на два вѣка и притомъ

представляется уже національно-армянской. Важно было потому хотя нѣсколько приблизиться къ первоначальной редакціи. Съ этой стороны и цѣнна находка проф. Марра, имъ опубликованная въ арабскомъ текстѣ и въ русскомъ переводѣ. Это, во 1-хъ, арабскій переводъ редакціи болѣе древней, чѣмъ Агаангелова, но такой, которая отсутствуетъ теперь и въ армянской литературѣ и въ греческой, хотя переводъ сдѣланъ съ греческаго языка (158, 159, 162, 163). Хотя списокъ этой исторіи IX—X вѣка и арабскій текстъ не древнѣе первой половины IX в. (159, 160), а греческая редакція, съ которой сдѣланъ переводъ, не древнѣе VII—VIII в., однако она сохранила нѣкоторыя черты и особенности, указывающія на ея сравнительную съ Агаангеломъ древность и на большую близость къ первичной грекофильской переработкѣ легенды о св. Григоріи. Въ то время какъ въ Агаангеловой, національно-армянской редакціи говорится только о крещеніи армянъ, арабская версія рассказываетъ о просвѣщеніи Григоріемъ и другихъ народовъ: грузинъ, лазовъ (абхазовъ) и албанцевъ (алановъ) ¹⁾, какъ разъ тѣхъ, которые населяли Лазику и Иверію, страны, смежныя съ зап. Армeніей, въ которой Григорій въ дѣйствительности подвизался и которую уже, очевидно, грекофильствующій авторъ первой переработки легенды включилъ въ сферу его миссіонерской дѣятельности. И замѣчательно, что и у Агафангела сохранилось отраженіе этой черты первоначальной редакціи: онъ „называетъ предѣлы именно всѣхъ перечисленныхъ народовъ и далѣе еще, какъ районъ просвѣтительной дѣятельности св. Григорія“, хотя „выражается такъ, точно рѣчь идетъ объ одной Арменіи“ (175).

¹⁾ „И приготовилъ епископовъ этотъ святой Григорій, ставшій католикосомъ всей Арменіи, и онъ разсылалъ ихъ по всей армянской землѣ, и въ Грузію, и въ страну „Д-р-з-к-й-т“, и къ аланамъ. И взялъ онъ одного грузина изъ тѣхъ, кто пришелъ съ нимъ изъ Севастіи, по имени Ибир-б-з-хитъ, сдѣлалъ его митрополитомъ и отправилъ съ тѣмъ, чтобы онъ ставилъ епископовъ надъ всей Грузіей... И направилъ онъ въ страну абхазовъ Софронія, и былъ онъ священникъ изъ Каппадокіи. Онъ находился при св. Григоріи, и тотъ сдѣлалъ его епископомъ и послалъ. И направилъ въ страну алановъ Ѳому, избраннаго мужа. Онъ былъ изъ маленькаго города Саталы. И эти были изъ тѣхъ, которые пришли съ нимъ (изъ Севастіи), и были они свѣдуши въ священныхъ книгахъ“ (137; ср. 164—174—анализъ географическихъ названій арабской версіи).

„Переработывая однако, легенду, о дѣятельности греческаго миссіонера въ сосѣднихъ съ имперіею странахъ въ національную повѣсть о дѣйствительно-общемъ обращеніи всей Арменіи въ христіанство и въ связи съ этимъ расширяя районъ миссіи св. Григорія еще болѣе на югъ, Агафангелъ, понятно, не могъ не считаться хотя бы въ слабой степени съ реальнымъ положеніемъ церковнаго дѣла у армянъ. Онъ не могъ вполнѣ игнорировать и сирійское вліяніе. И въ результатѣ стремленіе примирить непримиримое получилось, что подъ руководствомъ св. Григорія, питомца и дѣятеля греческой кесарійской церкви, армянскій царь Тиридатъ, получившій воспитаніе въ Римѣ, собираетъ армянскихъ дѣтей для обученія „однихъ сирійской, а другихъ греческой грамотѣ“. Отсутствіе какого бы то ни было упоминанія о сирійскомъ языкѣ въ арабской версіи для легенды о св. Григоріи безусловно архаичная черта“ (176).

У автора арабской версіи ясна задача: „объединить всѣ вѣдѣимперскіе восточные христіанскіе народы, армянъ, грузинъ, лазовъ (абхазовъ) и алановъ (албанцевъ), идеею общаго ихъ рожденія во Христѣ съ мыслью о политическомъ покровительствѣ великой христіанской Имперіи—Византіи, духовно соединить ихъ всѣхъ въ одну церковь идеею общаго ихъ армянскаго первопастыря св. Григорія, получившаго воспитаніе и посвященіе въ греческой церкви“ (180). Этой основной идеѣ служатъ большія подробности относительно зарубежнаго пребыванія св. Григорія, его отношеній не только къ кесарійской, но и къ севастіійской епископіи (123, 127—129, 131, 178) и такія особенности, какъ принятіе Григоріемъ канонѣвъ Никейскаго собора прямо къ руководству (по армянскому тексту Агафангеловой редакціи Григорій къ „свѣтозарнымъ“ канонамъ дѣлаетъ добавленія,—очевидная попытка объяснить древніе традиціонные отличія армянской національной церкви (147, 148, 176) ¹⁾ и свиданіе съ имп. Константиномъ вел. (141 сл.). Симпатіи автора къ Констан-

¹⁾ Что касается способа полученія никейскихъ канонѣвъ Григоріемъ то арабскій текстъ говоритъ, что они были привезены его сыномъ, еп. Аристакасомъ, который присутствовалъ въ Никее съ другими армянскими епископами,—здѣсь та тенденція, раздѣляемая и другими армянскими источниками, чтобы опровергнуть мысль, что представители армянской церкви не были ни на одномъ вселенскомъ соборѣ. На самомъ дѣлѣ на

тину, доходящія до того, что Тиридатъ, вызванный имъ между прочимъ для уплаты подати, отправился „къ царю, болѣе великому, чѣмъ онъ, съ миромъ для того, чтобы стать подъ его властію“, и дѣйствительно будто бы обязался съ армянскими князьями платить дань императору (143, 147), убѣждали даже первоначально г. Марра, что этотъ авторъ—грекъ. Но затѣмъ „любовный и въ высшей степени интимный его интересъ къ описываемымъ народамъ“ поставилъ для издателя „внѣ сомнѣнія его негреческое происхожденіе“. Преобладающее же вниманіе, удѣляемое имъ армянамъ, обрисовка старшинства Тиридата въ легендарныхъ чертахъ и низведеніе грузинскаго, лазскаго (абхазскаго) и албанскаго (аланскаго) царей на второстепенныя роли такъ же ясно указываютъ, что авторъ былъ армянинъ, но армянинъ халкедонистъ, писавшій свое сочиненіе, понятно, на армянскомъ языкѣ (181, 182).

Не внося въ свой разсказъ никакихъ новыхъ деталей, арабская версія отличается главнымъ образомъ идейной трактовкой сюжета,—независимостью отъ традиціоннаго текста, сохранившагося въ армянскомъ подлинникѣ и въ различныхъ переводахъ, восходящихъ къ армянскому непосредственно или посредственно: въ греческомъ, грузинскомъ, эѳіопскомъ и краткомъ арабскомъ. Съ этой стороны версія „привноситъ въ вопросъ много новаго и любопытнаго матеріала“, хотя и не рѣшаетъ выдвигаемаго ею вопроса о характерѣ первоначальныхъ армяно-грузинскихъ церковныхъ отношеній (64, 65). Издаваемый текстъ имѣетъ также значеніе для генеалогіи Агаѳангела и для реабилитаціи „Исторіи“ Моисея Хоренскаго, знаменитаго армянскаго историка, подвергшагося было на западѣ жестокой критикѣ и развѣнчанію. Въ изданномъ арабскомъ текстѣ г. Марръ находитъ новыя данныя для обѣленія его памяти.

Трудъ г. Марра, доказывающій лишній разъ, какъ много обязана церковная исторія языкознанію, даетъ, однако, поводъ

1 вселенскомъ соборѣ не было никого изъ армянскихъ епископовъ и кановы его были сообщены въ Армению чрезъ Леонтія Кесарійскаго. Интересно, что одинъ источникъ (письмо Георгія, еп. арабскаго) говоритъ, что на соборѣ въ Никей былъ лично св. Григорій (176). А. Гарнакъ объясняетъ отсутствіе Григорія на Никейскомъ соборѣ тѣмъ, что онъ къ этому времени скончался (*A. Harnack, Die Mission und Ausbreitung des Christentums in der ersten drei Jahrhunderten, Leipzig, 1902, s. 473.*)

отмѣтить, что первоначальная исторія армянской церкви, какъ и грузинской, даже при свѣтѣ новѣйшихъ открытій, все еще полна легендарнаго тумана и неразрѣшенныхъ по-видимому противорѣчій. Русская церковно-историческая наука мало занята прошлымъ церквей, нѣкогда процвѣтавшихъ на Кавказѣ. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить на страницахъ академическаго журнала появленіе работы представителя университетской филологической науки!

К. Х.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки